

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.43>

Богомазова Наталия Леонидовна, Валеева Галина Викторовна,
Слободжанин Алексей Вячеславович

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ (КОНЕЦ XX - НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Статья посвящена комплексному исследованию государственно-конфессиональных отношений в современной России. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке религиоведения, политологии, юриспруденции. В ней устанавливается, что сложившаяся в России модель данных отношений содержит элементы трех классических моделей: идентификационной, кооперационной и отделительной. Анализируются нормативные правовые акты государственной и муниципальных властей в сфере свободы совести и государственно-конфессиональных отношений. Затрагивается тема наличия элементов идентификационной модели в законодательстве постсоветского периода (в том числе утративших силу). В работе выяснены особенности договоров (соглашений) между религиозными объединениями и органами власти. В заключение делается вывод, что на уровне федеральных нормативных актов доминируют элементы отделительной модели, в региональных актах - кооперационной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/43.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 219-222. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философия религии и религиоведение

Philosophy of Religion and Religious Studies

УДК 1; 322.2

Дата поступления рукописи: 29.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.43>

Статья посвящена комплексному исследованию государственно-конфессиональных отношений в современной России. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке религиоведения, политологии, юриспруденции. В ней устанавливается, что сложившаяся в России модель данных отношений содержит элементы трех классических моделей: идентификационной, кооперационной и отделительной. Анализируются нормативные правовые акты государственной и муниципальных властей в сфере свободы совести и государственно-конфессиональных отношений. Затрагивается тема наличия элементов идентификационной модели в законодательстве постсоветского периода (в том числе утративших силу). В работе выяснены особенности договоров (соглашений) между религиозными объединениями и органами власти. В заключение делается вывод, что на уровне федеральных нормативных актов доминируют элементы отделительной модели, в региональных актах – кооперационной.

Ключевые слова и фразы: свобода совести; государственно-церковные отношения; религия в России; государственно-конфессиональные отношения; свобода вероисповедания.

Богомазова Наталия Леонидовна, к. филос. н., доцент

Валеева Галина Викторовна, к. филос. н., доцент

Слобожанин Алексей Вячеславович

Тулский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

nataliyabogomazova@yandex.ru; stark.k@rambler.ru; aslob85@yahoo.com

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Религия является неотъемлемым элементом общественной жизни, существенно влияющим на остальные социальные подсистемы. В настоящее время с формальной точки зрения практически все человечество проживает на территории государственных образований. Исключение составляют лишь непостоянные жители Антарктиды и участники космических полетов. Поэтому религиозные отношения как социальные неизбежно приобретают характер государственно-конфессиональных. Отчасти это связано еще и с тем, что в большинстве государств религиозные объединения рассматриваются как особая, юридически зафиксированная структура.

Актуальность исследования модели государственно-конфессиональных отношений (ГКО) в России обусловлена сложностью организации межконфессионального и государственно-конфессионального взаимодействия в условиях сравнительно небольшого времени опыта действительной реализации принципа свободы совести в России. Изучение данной темы позволит более эффективно предсказывать конфликты в ГКО и возможности нарушения прав на свободу совести в данной сфере.

Цель исследования состоит в выявлении структуры и специфики ГКО в современной России с междисциплинарной точки зрения (религиоведение, политология, юриспруденция).

Научная новизна исследования состоит в выявлении элементов различных моделей ГКО в политической и правовой плоскостях, а также в установлении соотношения элементов отделительной и кооперационной моделей в федеральных и региональных (муниципальных) актах.

Правовой основой ГКО в современной России выступает Конституция Российской Федерации. Государственно-конфессиональных отношений касаются непосредственно лишь две статьи Конституции: статья 13, пункт 5: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» [4] – и статья 14: «1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [Там же]. Вместе с тем само понятие светскости неоднозначно: «...сегодня многие специалисты говорят о двусмысленности формулировки статьи 14 Конституции Российской Федерации, т.к. “светское государство” как минимум может быть четырех видов» [2].

Опосредованно большая часть прав, представленная во второй главе Конституции, может быть рассмотрена с интересующей нас точки зрения, например, право на свободу собраний может быть соотнесено с проведением городских крестных ходов на некоторые праздники у православных (в городе Тула уже более 15 лет на Пасху проводится крестный ход от Всехсвятского кафедрального собора до Успенского кафедрального собора через главный проспект города – проспект Ленина). Заметим, что данный вариант отделения мягче, чем провозглашался в советских конституциях: «Как видим, не Церковь отделяется от государства и школа от Церкви, а религиозные объединения отделены от государства. О школе речь вообще не идет» [9].

Исходя из вышеперечисленных статей Конституции, осмысленных буквально, в России могла бы реализовываться крайне жесткая модель, почти исключающая взаимодействие религиозных объединений и государства (за исключением формально-регистрационных моментов). Вместе с тем Конституция, являясь основным законом государства, не задает конкретной формы государственно-конфессиональных отношений, а лишь определяет их главные черты: недопустимость прямого смешения государства и религиозного объединения; недопустимость избирательного отношения государства к гражданину по мотивам принадлежности к религиозному объединению.

В современном религиоведении распространено выделение трех основных моделей государственно-конфессиональных отношений. Отметим, что иногда вместо термина «государственно-конфессиональные отношения» используется «государственно-церковные отношения», в нашей статье они рассматриваются как синонимичные.

Первая модель государственно-конфессиональных отношений отличается дистанцированием государства от религиозных объединений, иногда переходящим в открытую враждебность (КНДР, Китайская народная республика). Отделение государства от религиозных объединений в различных сферах культуры может быть неодинаковым. Но в целом в основных законодательных актах (конституциях, законах) провозглашается принцип отделения государства от церкви и церкви от государства (в настоящее время в данном контексте под термином «церковь» следует понимать любые религиозные объединения). Классическим примером данной модели выступает Франция, где, например, не допускается явная демонстрация религиозных символов в государственных и муниципальных учреждениях.

Крайние формы данной модели практически не могут совмещаться с реализацией права на свободу совести. Отделение религиозных организаций от государства, по сути, превращается в ограничение или запрет религиозной деятельности. В частности, такая ситуация наблюдалась в СССР, где (кроме отдельных годов «сталинского» периода) не было открытых карательных акций по отношению к духовенству и верующим, но последние могли получать регулярные негативные санкции от профсоюзов или первичных партийных организаций на предприятиях за участие в богослужении.

Общее идеологическое основание отделительной модели, заложенное Конституцией РФ более конкретно в правовом аспекте ГКО, раскрывается в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ [5]. В тексте данного закона отделительная модель реализуется в достаточно мягкой форме. В частности, в преамбуле к закону выделяется ряд конфессий: «...признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [Там же]. Если в конце данной выдержки из закона указаны неопределенные другие религии, то в целом здесь отсутствуют яркие несоответствия с принципом отделения. Однако указание на особую роль православия не характерно для отделительной модели.

Отметим, что данный тест преамбулы неоднократно критиковался радикальными сторонниками принципа светскости. Например, в работе И. В. Понкина «Комментарий к некоторым статьям Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях”» [7]. Подобная критика до сих пор продолжается на многочисленных интернет-площадках атеистической и агностической направленности.

Определенный интерес представляет ограничение запрета на проведение религиозных обрядов на территории помещений, находящихся в государственной и муниципальной собственности непосредственно. Религиозные церемонии могут проводиться в «строениях религиозного назначения, расположенных на территориях образовательных организаций, а также в помещениях образовательных организаций, исторически используемых для проведения религиозных обрядов» [5]. Закон, однако, не уточняет соотнесенность современного религиозного объединения с принадлежностью строения к исторической конфессии. Часть данной статьи закона («...помещениях образовательных организаций, исторически используемых для проведения религиозных обрядов») не вступает в прямое противоречие с моделью отделения, но достаточно необычна для нее.

Вместе с тем само содержание Федерального закона во многом соотнесено с законодательством стран с отделительной моделью. Наиболее ключевыми являются статья 4 «Государство и религиозные объединения» и статья 25 «Осуществление надзора и контроля». В них достаточно четко определяется характер взаимоотношений религиозных объединений и государства. В частности, устанавливается запрет прямого вмешательства религиозных объединений в деятельность государственных и муниципальных органов, непосредственное участие в политической деятельности (выборы, создание и финансирование политических партий и т.п.). Отметим, что совершенно отсутствуют ограничения на деятельность священнослужителей в органах власти, политических партий. Это подчеркивает равенство представителей конфессий перед законом. Статья 16 «Религиозные обряды и церемонии» фактически приравнивает массовые религиозные акции к обычным массовым мероприятиям. Они «осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций» [Там же].

На региональном (муниципальном) уровне принципы отделительной модели реализуются еще в более мягкой форме. Здесь проявляются некоторые черты кооперационной модели. Разумеется, сама по себе

кооперационная модель не может быть реализована на уровне региона, так как это напрямую бы противоречило федеральному законодательству (например, перераспределение части налогов на финансирование религиозных объединений).

Элементы второй, кооперационной модели реализуются в основном через подписание публичных договоров двух типов.

Первый тип – это договоры между религиозной организацией (случаи договоров подобного рода с религиозными группами нам неизвестны) и непосредственно с региональным органом государственной власти или органами местного самоуправления. Обычно они юридически оформляются как соглашения о сотрудничестве в отдельной области.

На наш взгляд, большинство данных соглашений асимметричны, так как скорее предполагают участие религиозной организации в общественной жизни. Но практически отсутствуют соглашения, предполагающие участие государства в жизни церкви (если речь не идет о чисто имущественных вопросах).

Рассмотрим структуру подобных соглашений на примере Соглашения о сотрудничестве между Министерством образования Московской области и Московской епархией Русской Православной Церкви [3]. Этот пример будет для нас показательным, так как Русская православная церковь является наиболее активным субъектом государственно-конфессиональных отношений. Кроме того, подобные соглашения характеризуются достаточно большим объемом (данный документ занимает 5 страниц).

Вместе с тем не следует думать, что неправославные организации не заключают подобных соглашений. Приведем в качестве примера Соглашение о сотрудничестве между Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и региональным Духовным управлением мусульман Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [10] (занимает одну страницу). Разумеется, в мусульманских регионах подобные соглашения более многочисленны и дифференцированы по министерствам и ведомствам.

Текст Соглашения о сотрудничестве между Министерством образования Московской области и Московской епархией Русской Православной Церкви начинается с описания сторон соглашения и указания законодательной базы. Следующим элементом соглашения выступает описание его предмета. В подавляющем большинстве случаев сущность этого предмета сводится к совместной деятельности религиозной организации и соответствующего органа власти. Например, в вышеприведенном соглашении предметом выступает «сотрудничество Сторон в рамках их компетенции в сфере образования, духовно-нравственного воспитания, творческого, физического и профессионального развития человека, содействие в обеспечении государственных гарантий прав и свобод в этой области, взаимодействие в вопросах научно-методического обеспечения, аналитической деятельности, обобщения и распространения опыта, выработки предложений по усовершенствованию работы духовно-нравственной направленности» [3].

Как мы видим, практически все сферы образования входят в предмет соглашения. Затем раскрываются принципы (носят в целом формальный характер и выражают общие установки «Закона о свободе совести и религиозных объединений»). В наибольшей степени отступление от принципов отдельительной модели наблюдается в определении направлений и форм взаимодействий. В рассматриваемом нами документе это отступление наблюдается в следующих пунктах:

- 1) реализация в образовательных организациях учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), раскрывающих основы духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, нравственные принципы, исторические и культурные традиции православия;
- 2) методическое обеспечение, анализ и обобщение опыта работы в области духовно-нравственного воспитания и образования подрастающего поколения в Московской области;
- 3) противодействие осуществлению в образовательных организациях и в средствах массовой информации деятельности представителей тоталитарных и деструктивных сект и культов;
- 4) организация преподавания предмета «Основы православной культуры» в составе вариативных компонентов содержания образования;
- 5) сотрудничество в области разработки проектов правовых актов, методических и иных документов, имеющих отношение к вопросам, отнесенным к компетенции Сторон.

Второй тип – это договоры с юридическими лицами, полностью подконтрольными региону (муниципалитету) или Российской Федерации в целом. Например, с ФГУП, учреждениями образования. В частности, между ТГПУ им. Л. Н. Толстого и Тульской и Ефремовской епархией заключен договор о сотрудничестве. Мы не будем описывать структуру подобных договоров, так как в целом она идентична вышеизложенной. Отметим лишь, что договоры подобного рода в меньшей степени не соответствуют духу отдельительной модели государственно-конфессиональных отношений.

Также в Российской Федерации реализуются элементы идентификационной модели государственно-церковных отношений. Причем на нормативно-правовом уровне они практически не проявляются непосредственно. В целом в подзаконных актах редко происходит выделение отдельных конфессий. Но такие случаи все же есть: например, государственная охрана глав небольшого числа религиозных организаций, согласно Постановлению Правительства РФ от 17.09.2004 № 482 (ред. от 21.04.2006) «Об упорядочении установки и использования на транспортных средствах специальных сигналов и особых государственных регистрационных знаков»: «Патриарх Московский и всея Руси; Верховный муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман России европейских стран СНГ; Председатель Духовного управления мусульман Европейской части России, председатель Совета муфтиев России; Главный раввин России, председатель Объединения раввинов Содружества Независимых Государств; Глава Буддийской традиционной сангхи России» [6]. Кроме того, Святейший патриарх Московский и всея Руси определенное время пользовался

правом использования проблескового маячка на автомобиле наравне с руководителями органов власти. В настоящее время при визитах Патриарха в регионы неизбежно изменяется схема движения автотранспорта, чего не происходит даже при посещении регионов глав других «традиционных» конфессий.

Однако в большей степени элементы идентификационной модели реализуются в поведении высших должностных лиц России и ряда регионов. Это выражается в посещении богослужений и мероприятий преимущественно РПЦ МП. Само по себе это не противоречит отделительной модели, так как участие в богослужениях есть элемент реализации права данных лиц на свободу совести.

Элемент идентификации возникает в связи с подробным освещением вышеуказанного участия в государственных СМИ. Так, в выступлениях Президента РФ В. В. Путина можно найти черты выделения РПЦ среди других конфессий. «В основе наших нравственных ценностей прежде всего лежат христианские православные ценности, и в этом смысле оно (православие. – “Газета.Ru”), конечно же, является важнейшей составной частью души России» – [8], отметил президент.

Премьер-министр РФ Д. А. Медведев на заседании Архиерейского собора РПЦ заявил: «Русская православная церковь является крупнейшим и наиболее авторитетным общественным институтом современной России. В настоящий момент идет целый ряд очень важных процессов, всем хорошо известных, находящихся, что называется, в прямой видимости. Это и восстановление храмов, и увеличение числа священнослужителей, и, наверное, что еще более важно, растет общее количество верующих» [1].

Таким образом, в высших законодательных актах однозначно реализуется отделительная модель государственно-конфессиональных отношений – подчеркивается принцип светскости, отделения государства от религиозных объединений, невмешательство в дела друг друга. В регионах (и подзаконных актах) присутствуют элементы кооперационной модели, выражающиеся в сотрудничестве региональных и муниципальных органов власти в гуманитарной сфере. В политической сфере имеется тенденция к идентификационной модели.

Список источников

1. **Дмитрий Медведев: Уверен, что церковь и государство будут и впредь активно и плодотворно сотрудничать** [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2011/02/03/dmitrij_medvedev_uveren_chno_cerkov_i_gosudarstvo_budut_i_vpred_aktivno_i_plodotvorno_sotrudnichat/ (дата обращения: 19.07.2019).
2. **Дорская А. А.** Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права [Электронный ресурс]: монография. URL: <https://mybook.ru/author/aleksandra-dorskaya/vliyanie-cerkovno-pravovyh-norm-na-razvitiye-otrasl/read/> (дата обращения: 19.07.2019).
3. **Епархиальные договоры и соглашения** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mepar.ru/documents/dogovora/> (дата обращения: 19.07.2019).
4. **Конституция Российской Федерации** [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.07.2019).
5. **О свободе совести и о религиозных объединениях** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 19.07.2019).
6. **Об упорядочении установки и использования на транспортных средствах специальных сигналов и особых государственных регистрационных знаков** [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 17.09.2004 № 482 (ред. от 21.04.2006). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19270/ (дата обращения: 19.07.2019).
7. **Понкин И. В.** Комментарий к некоторым статьям Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007. 120 с.
8. **Путин: Россия и православие неразделимы** [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2016/11/20/n_9355415.shtml (дата обращения: 19.07.2019).
9. **Смирнова М. И.** Государственно-церковные отношения в России как фактор политики [Электронный ресурс]: монография. URL: <http://os.x-pdf.ru/20politologiya/295523-8-mi-smirnova-gosudarstvenno-cerkovnie-otnosheniya-rossii-kak-faktor.php> (дата обращения: 19.07.2019).
10. **Соглашение о сотрудничестве между Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и региональным Духовным управлением мусульман Ханты-Мансийского автономного округа – Югры** [Электронный ресурс]. URL: <https://gov.admhmao.ru/soglasheniya/2011/341796/soglashenie-o-sotrudnichestve-mezhdu-pravitelstvom-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-i-reg> (дата обращения: 19.07.2019).

SPECIFICITY OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN RUSSIA (THE END OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Bogomazova Nataliya Leonidovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Valeeva Galina Viktorovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Slobozhanin Aleksei Vyacheslavovich

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

nataliyabogomazova@yandex.ru; stark.k@rambler.ru; aslob85@yahoo.com

The article provides a comprehensive analysis of state-confessional relations in modern Russia. The study has interdisciplinary nature and is conducted at the intersection of religious studies, political science and jurisprudence. It is shown that the Russian model of these relations contains elements of three classical models: identification, cooperative and separation. The paper analyses normative legal acts of state and municipal authorities in the sphere of freedom of conscience and state-confessional relations. The authors tackle the problem of presence of the identification model elements in the post-Soviet legal acts (including those ceased to be in force). Peculiarities of agreements between religious communities and bodies of power are identified. The findings allow concluding that at the federal level, prevalence belongs to the separation model and at the regional level – to the cooperative one.

Key words and phrases: freedom of conscience; state-church relations; religion in Russia; state-confessional relations; freedom of religion.